Міръ и Война

Выпускъ 12-й. Цѣна 20 коп.

В. САХНОВСКІЙ.

О РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

E 31 11/149

РА
30
С22

МИРЪ и ВОЙНА

Библіотека общедоступныхъ очерковъ, посвященныхъ войнѣ 1914 г.

Вып. 12-й Цѣна 20 коп.

В. Г. Сахновскій.

О Русской народности.

Національный ликъ Россіи.

МОСКВА 1914/1915.
Книгоиздательство „ОБЩЕЕ ДѢЛО“.

2

3-й экз

Э 31 11
Т 49

ТИПОГРАФІЯ
ПЕРЕПЛЕТНАЯ
СТЕРЕОТИПНАЯ
Г. ЛАМБЕРТЪ :: МОСКВА
Тел. 1-04-12

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
645742.

О Русской народности.
(Національный ликъ Россіи).

Война славянства за свое освобожденіе неизбѣжно заставлятъ задуматься о томъ, какова Россія, какъ „національная личность". Остановившись на этомъ вопросѣ, невольно примыкаешь къ длинной чередѣ мыслей такихъ самобытныхъ русскихъ писателей, какъ Веневитиновъ, Ѳ. И. Тютчевъ, И. В. Кирѣевскій, Гоголь, Достоевскій, К. С. Аксаковъ, какъ Аполлонъ Григорьевъ, какъ Вл. Соловьевъ. Но въ этихъ нѣсколькихъ страницахъ я не предполагаю дать очерка славянофильскихъ идей, вовсе не хочу говорить объ ученіи раннихъ славянофиловъ или объ эпигонахъ славянофильской доктрины.

Оттого я и не упомяну ни о Данилевскомъ, ни о Леонтьевѣ, оттого я ничего не буду говорить ни о Кошелевѣ, ни о Самаринѣ, ни о Хомяковѣ и Ив. С. Аксаковѣ.

Изъ всяческихъ возможныхъ извилистыхъ путей, которыми можно итти, чтобы опредѣлить, какова въ сознаніи этихъ одинокихъ мыслителей и художниковъ слова была русская національная идея, я избираю одинъ путь, — какъ понята Россія въ отличіе отъ Запада, въ чемъ, какъ это представлялось людямъ исключительно глубоко надъ этимъ задумавшимся, въ чемъ заключается задача русскаго народнаго самоопредѣленія.

Въ моментъ новаго остраго поворота къ тому, чтобы подумать: есть ли у Россіи свое, только свое, что она можетъ сказать Европѣ, есть ли тотъ народъ, въ молчаливомъ

сердцѣ котораго живетъ несказанная тайна,—въ такой моментъ, когда Россія историческими силами толкнута, чтобы дѣйствовать отъ себя и за себя, когда внутри нея наступаетъ народное пробужденіе и на войнѣ не по необходимости лишь, но въ тайно религіозномъ сознаніи нужности совершаемаго проливается кровь всего народа, въ такую минуту невольно мысль обращается къ вопросу, существуетъ ли „національная личность“ Россіи, каковы ея черты, въ чемъ ея свойства, каковы устои народной морали и складъ самой души народной.

Одинъ изъ раннихъ и прекрасныхъ представителей кружка, именовавшагося „Обществомъ любомудрія“, Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ въ точныхъ выраженіяхъ писалъ по этому вопросу.

Еще въ 1827 г. Веневитиновъ въ небольшомъ отрывкѣ „Нѣсколько мыслей въ планѣ журнала“ по поводу изданія „Московскаго Вѣстника“, возникшаго по совѣту Пушкина писалъ: „должны мы взирать на каждый народъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственныя усилія, ознаменованныя печатію особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть та степень, на которой онъ отдастъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія...“

„Съ этой мыслью обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ?“

„У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже нѣкоторой степени совершенства

и входя слѣдовательно въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Россія все получила извнѣ; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности".

„Началомъ и причиной медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи, была та самая быстрота, съ которой Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе Литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы".

Въ дальнѣйшихъ строкахъ этого отрывка Веневитиновъ настаиваетъ на томъ, что Россія, культурной задачей которой онъ считаетъ самоопредѣленіе, станетъ на тотъ путь, когда „мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ предметомъ нашихъ разысканій"

Эта мысль открыть свое лицо, эта увѣренность въ томъ, что нѣтъ шаблона, который стиралъ бы у культурныхъ народовъ, могущихъ сказать свое вѣское слово, ихъ типичныя черты, звучитъ и въ письмахъ декабристовъ, и у людей близкихъ къ декабристамъ, какъ въ творчествѣ Грибоѣдова или въ письмахъ его друзей.

О національныхъ чертахъ нашей культуры пишетъ въ своихъ запискахъ декабристъ Якушкинъ; въ „Думахъ" Рылѣева звучатъ восторженныя патетическія строфы о самобытности Россіи. Между прочимъ въ пѣснѣ, сложенной Рылѣевымъ для распространенія среди солдатъ и распѣвавшейся на вечеринкахъ декабристовъ, былъ такой куплетъ: „А что силой добыто, силой выручимъ мы то, и въ привольѣ стариною заживемъ." Бестужевъ и Пестель, давая показанія слѣд-

ственной комиссіи, употребляли древне-русскую терминологію. Никита Муравьевъ въ своей Конституціи, а Пестель въ своей „Русской Правдѣ“ также употребляли термины, нарочито русскіе для государственныхъ учрежденій и новыхъ политическихъ формъ.

Кто не знаетъ знаменательныхъ словъ Чацкаго въ „Горе отъ ума“, которыя Грибоѣдовъ вложилъ въ уста представителя протестующаго поколѣнія? —

Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ.
Воскреснемъ мы отъ чужевластья модъ,
Чтобы умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцевъ.

Это страстное желаніе въ людяхъ просвѣщенія сблизиться съ народомъ, т. е. найти въ себѣ черты самостоятельности, самобытности—это исконное желаніе мыслящей и пишущей Россіи.

То, что говорятъ они, всегда ихъ искреннее убѣжденіе въ индивидуальности, особливости Россіи. Они видятъ ея отличіе въ складѣ мысли, въ народномъ духѣ ея. Имъ представляется возможнымъ, вдумавшись въ свое исконное, родное, сближающее съ думами и чувствованіями народными, имъ представляется возможнымъ найти живую связь въ себѣ съ безпредѣльностью неоглядныхъ просторовъ, съ историческими судьбами Россіи. Они находятъ тѣ же элементы, основныя, національныя въ мотивахъ пѣсенъ, въ старинныхъ обычаяхъ, въ русскомъ орнаментѣ, въ характерѣ поговорокъ, въ отношеніи народа къ православію и къ церкви вообще, въ мотивахъ псковскаго и новгородскаго зодчества, въ по-

шибахъ иконописныхъ мастеровъ, въ характерѣ старинныхъ народныхъ потѣхъ, игръ, старинной русской рѣчи, костюмѣ, бытѣ, утвари и въ самыхъ укладахъ міросозерцанія.

Славянофильскія доктрины, воспитавшіяся на почвѣ нѣмецкой философіи для самихъ славянофиловъ были узки.

Славянофилы были шире своихъ славянофильскихъ доктринъ.

Но я попытаюсь сказать не о представителяхъ опредѣленнаго философскаго ученія, а о томъ широкомъ пластѣ мыслящихъ и чувствующихъ русскихъ людей, которые, не входя въ кружки и не примыкая къ стройной идеологіи славянофиловъ, въ своей душѣ, въ своихъ стремленіяхъ были поборниками національной идеи. Россія находила въ этомъ пластѣ своихъ выразителей, своихъ созерцателей, примыкавшихъ къ той же идеѣ самобытности.

Въ иныхъ страницахъ переписки людей старинныхъ фамилій, непримѣчательныхъ для историковъ, но интересныхъ психологически, написанныхъ изъ разныхъ угловъ Россіи, встрѣчаемъ мы размышленія на эти темы. Въ мелкой и незначительной беллетристикѣ журнальной приблизительно съ 30-хъ годовъ и на протяженіи всего XIX вѣка встрѣчаются, написанные неопытной рукой слабыхъ художниковъ, образы и діалоги, въ которыхъ также читаешь слѣды думъ и чувствованій о томъ, чѣмъ быть Россіи и какова она есть.

Противупоставленіе русскаго начала началу западному, и даже болѣе, уясненіе своего собственнаго нравственнаго скелета, отрицаніе полнаго тождества народа, образующаго восточное славянство, съ народами Запада и Юга—это было всегда предметомъ размышленій для Россіи въ ея глубинѣ.

Въ чемъ ликъ народный? Не выразился ли онъ уже въ искусствѣ, въ морали, въ быту, въ религіозномъ вѣрованіи; не несетъ ли въ своей глубинѣ какое то свое пониманіе жизни русскій народъ? Не въ силахъ ли Россія со своими собственными воззрѣніями и чувствованіями выступить на арену всемірной культуры?

Развѣ народъ, какъ цѣлое, не опредѣляетъ Россіи, развѣ въ немъ нѣтъ давно разрѣшенныхъ, но не переданныхъ человѣчеству, но выношенныхъ въ народной груди важныхъ, великихъ откровеній въ вопросахъ жизни, въ вопросахъ добра? Развѣ нравственный складъ народа, опредѣляющаго фактически Россію, не сложился?

На ряду со скептицизмомъ и съ какимъ то задоромъ осмѣять, обидѣть прежде всего себя самого или самаго близкаго, или самый народъ свой въ русскомъ и въ немъ по преимуществу (о чемъ говоритъ равно и русская литература и самая обыденная жизнь) живетъ крѣпкая вѣра и непоколебимое убѣжденіе во внутренней правдѣ своей жизни.

Русскій человѣкъ стыдливъ, онъ любитъ юродивцевъ, онъ любитъ подпольныхъ людей и чердачныхъ мечтателей. Не объ этомъ ли говоритъ намъ и коренная, сильная русская литература творчествомъ Гаршина, Глѣба успенскаго, Достоевскаго и Помяловскаго. Русскій человѣкъ не скажетъ, не смѣетъ сказать изъ душевной скромности своей во всеуслышаніе свои любимыя слова, свое „Вѣрую“. Но онъ не постыдится пострадать за свою правду, онъ не скроетъ въ великую минуту своихъ чувствованій и думъ и обнародуетъ ихъ, какъ бы ни не ко времени и не во зло практическое это исповѣданіе ему было.

Русскій человѣкъ скептикъ, потому что онъ знаетъ, что нѣтъ ни въ немъ самомъ, ни въ человѣческихъ установленіяхъ вообще безусловности, абсолютнаго. Все относительно, и потому ему не свойственно по характеру его подчиненіе закону, подчиненіе правилу безъ обхода, безъ оговорки.

Законность и регламентація Западной Европы, англо-германская стройность общественнаго порядка, бережливость времени, бережливость и уваженіе къ труду,—все это прекрасное, культурное, западное не прививается или плохо прививается, съ трудомъ побѣждая національныя черты, обычай все исполнить „спустя рукава“, все построить на „авось“.

Но въ этомъ есть особаго рода національная мудрость, пусть отрицательнаго свойства, но мудрость несомнѣнная.

Русскіе люди рѣдко принимаютъ себя и свою жизнь, да и собственное историческое существованіе всерьезъ. Все, что дѣлается—это не главное. Проходитъ жизнь, проходитъ поколѣніе за поколѣніемъ, но никто себя не обманываетъ, никто себя не принимаетъ всерьезъ. Въ глубинѣ сердца русскаго человѣка всякаго состоянія крѣпко царитъ убѣжденіе, что важно и существенно не то, что совершается. Не та жизнь, не такъ поступаемъ, не то дѣлаемъ. Но также знаемъ, что вотъ взяться сразу и вдругъ начать дѣлать то, что нужно, не можемъ. Да и не знаемъ, что нужно, и какъ дѣлать. Самообмана нѣтъ.

Созидаются новыя формы жизни, прежнее не похоже на настоящее. Печать и устное слово поясняетъ, истолковываетъ, строитъ аналогіи и параллели съ Западной Европой но широкій нижній пластъ Россіи, Россіи думающей глубоко, серьезно, томительно, безъисходно, а живущій кое-какъ,

молчаливо прислушивается и знаетъ, что все это такъ, не настоящее, настоящее впереди, оно всколыхнетъ, захватитъ, соединитъ. О настоящемъ жизненномъ строительствѣ заговорятъ другимъ языкомъ, это выйдетъ изъ потребностей и думъ живого и живущаго дѣйствительной жизнью народа, а не теоретизирующаго, разговаривающаго, не знающаго настоящей жизни Россіи меньшинства, — „нужно проѣздиться по Россіи", нужно полюбить ее, нужно понять ее, какъ писалъ Гоголь.

Въ глубинѣ русскаго человѣка живетъ созерцатель, философъ-мистикъ, любитель мудрости, любитель общечеловѣческихъ вопросовъ.

Русскому человѣку нужно пострадать за свои идеалы, и въ основѣ его дѣяній долженъ лежать идеалъ возвышенный, безъ этого внутренняго окрыляющаго идеала у него не спорится жизнь, не совершается великое дѣло.

Зачѣмъ ему это практичечки? — А именно, что не зачѣмъ,—ради истины, ради потребы его души.

Въ прошлую компанію тѣ же мужики и люди другихъ, тоже не тронутыхъ просвѣщеніемъ, группъ шли, какъ и теперь, на войну умирать. Но идея борьбы за какой то нужный стратегически портъ, идея борьбы за выходъ къ океану и за преобладаніе или сохраненіе морского и торговаго престижа на Дальнемъ Востокѣ и Тихомъ Океанѣ, эти существенныя задачи и меркантильныя цѣли не окрыляли народъ. Народъ не шелъ, какъ на свое дѣло, страшное дѣло, рѣшаемое его жизнью, его кровью. Теперь иное. Не убійство нѣмцевъ, не уничтоженіе Германской Имперіи, не ненависть къ аккуратной цивилизаціи западныхъ сосѣдей поднимаетъ весь народъ и единодушно ведетъ спокойно на

смерть отцовъ, братьевъ и мужей изъ образованныхъ, богатыхъ классовъ и изъ бѣдныхъ, необразованныхъ классовъ въ равной мѣрѣ.

Нѣтъ, въ душѣ народа живетъ стыдливо скрываемая вѣра въ великія задачи Россіи, въ надобность для жизни—чувства солидарности, въ надобность—дѣйствительнаго единенія и силой страданія и муки найти путь къ освобожденію униженныхъ и попираемыхъ.

Простая и великая идея, окрашенная своего рода народной мистикой, это вдругъ пробужденное чувство народности, это вдругъ родившееся чувство, что народъ можетъ жить однимъ желаніемъ, однимъ порывомъ, что онъ во истину единъ — вотъ это дало Россіи силы почувствовать себя всерьезъ и ощутить въ себѣ надобность для цѣлаго, для всѣхъ людей, для всего міра.

Зашевелились еще не высказанныя думы и чувствованія о своей правдѣ, о своемъ міроотношеніи, о своемъ пониманіи того, что должно въ жизни и что нѣтъ—и постепенно окрѣпла въ сознаніи русская національная идея.

Родилась мысль не о противуположности культурѣ Запада культуры Россіи (я говорю о духовной кульурѣ, о міровоззрѣніи, о жизненномъ пути), а о необходимости внести въ сокровищницу міровой культуры то благое и правое, что выносилъ русскій народъ въ своемъ многовѣковомъ молчаніи.

Не учить Западъ, не громить его достоянія науки и общественности, а принести плоды своей духовной свободы, принести этотъ безудержъ, безпредѣльность и философскій народный скептицизмъ, освобождающій отъ узости рамъ предразсудковъ и мелочности будничныхъ житейскихъ формъ

жизни Запада, принести это свое восточно-славянское и тѣмъ освободить отъ невольной узости духовнаго мѣщанства, вотъ за чѣмъ безсознательно идетъ Россія.

Эта война глубоко народная, потому что въ основѣ ея живетъ духъ народный, духъ освобожденія и духовнаго братства, соединенія. Въ борьбѣ найти себя, соединиться растерявшимся братьямъ одной матери. Здѣсь творчество народа въ дѣлѣ, въ дѣйствованіи, а не въ исполненіи приказаній.

Я не говорю здѣсь конечно о конкретныхъ, всегда ужасныхъ и отвращающихъ формахъ войны, я не говорю о томъ, кто и какъ воспользуется силами народа, не говорю здѣсь конечно и о томъ истолкованіи, которое захотятъ придать темныя силы свѣтлому народному духу въ войнѣ.

Но, поясняя свое отношеніе къ національной идеѣ, опредѣляющей въ моемъ сознаніи образъ народа, я нѣсколько отвлекся отъ своей темы.

Въ опредѣленіи отношенія къ Россіи, въ опредѣленіи, что такое національная основа, національная идея, въ литературѣ чаще встрѣчаешь обращеніе къ чувству, стремленіе интуиціей установить свою связь съ Россіей, чѣмъ точныя логически построенныя формулы.

Можетъ быть то, что стремились выразить, какъ стихію народности, такіе художники мыслители, какъ Гоголь, какъ Достоевскій, какъ Островскій даже не выражается логически, можетъ быть это больше формулъ и опредѣленій, можетъ быть этого нельзя окорнать предѣлами системы, можетъ быть отъ логической операціи стираются краски, по которымъ мы чувствуемъ и сознаемъ самый объектъ нашего познанія.

Не случайно же Иванъ Кирѣевскій высказалъ свое замѣчательное наблюденіе.

„Кто не понялъ мысль чувствомъ, тотъ не понялъ ее, точно такъ же, какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ."

Вотъ это сочитаніе непосредственнаго и правдиваго чувства съ возможно точнымъ опредѣленіемъ ума чаще всего и повторяется въ размышленіяхъ созерцателей самосущественной національной основы Россіи въ литературѣ.

Умомъ Россію не понять
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать —
Въ Россію можно только вѣрить.

Это четверостишье Тютчева выразило многія страницы славянофильскихъ сочиненій. Въ этомъ же четверостишьи высказано, и это драгоцѣннѣе даже перваго, правдивое чувство широкихъ массъ, ощущающихъ, сознающихъ такое свое отношеніе къ Россіи, но не умѣющихъ его формулировать.

Въ статьѣ своей „Россія и Германія" Ѳ. И. Тютчевъ между прочимъ противупоставляетъ Западу Россію и выясняетъ, какова она по его мнѣнію, какъ стихія: „Современное настроеніе дѣтище Запада, — пишетъ онъ — тамъ чувствуютъ себя... передъ стихіей, если и не враждебной Западу, то вполнѣ ему чуждой, стихіей ему не подвластной..." — это Россія. Онъ пишетъ о томъ, какъ современная ему Европа смотритъ на Россію, какъ говоритъ о ней, какъ объ открытой новымъ Колумбомъ: новая Америка—восточная Европа „гдѣ Россія во всѣ времена служила душою и двигательной силой и была призвана придать ей свое имя, въ награду историческаго бытія, свѣтомъ отъ нея уже полученнымъ или ожидаемымъ." Онъ пишетъ: Западъ не знаетъ, что Россія это „цѣлый

міръ, единый по своему началу, солидарный въ своихъ частяхъ, живущій своею собственностью органическою, самобытной жизнью.

Въ четвертомъ письмѣ Гоголя въ „Выбранныхъ мѣстахъ переписки съ друзьями“ онъ пишетъ:

„Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненнымъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ.“

„Опасно шутить писателю со словомъ. „Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ.“ Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъ изъятія, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнено къ тѣмъ, у которыхъ поприще—слово, и которымъ опредѣлено говорить о прекрасномъ и возвышенномъ. Бѣда если о предметахъ святыхъ и возвышенныхъ будетъ раздоваться гнилое слово; пусть ужъ лучше гнилое слово раздается о гнилыхъ предметахъ... „Наложи двери и замки на уста твои“ говоритъ Іисусъ Сирахъ: „растопи золото и серебро, какое имѣешь, дабы сдѣлать изъ него вѣсы, которые взвѣшивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая держала бы твои уста.“

Это письмо Гоголя о томъ, что такое для него слово, особенно нужно помнить примѣнительно къ его своеобразнымъ мыслямъ очень экономно высказаннымъ о Россіи, о русской самобытности о національной идеѣ, которую онъ прозрѣвалъ.

О пониманіи Россіи, о чувствѣ къ ней онъ говоритъ по разнымъ поводамъ, но всегда глубоко засматривая въ самые темные омуты великороссійской рѣки жизни.

Гоголь смотрѣлъ, какъ извѣстно, на творчество, на, по его выраженію, поэзію для общей культуры народа особыми глазами „на то и призваніе поэта—писалъ онъ—чтобы изъ

насъ же взять насъ самихъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ и лучшемъ видѣ."

Несомнѣнно, что въ убѣжденіи о такой высокой задачѣ поэзіи для Россіи онъ писалъ:

„Самородный ключъ ея (поэзіи) уже билъ въ груди народа тогда, какъ самое имя еще не было ни на чьихъ устахъ. Струи его пробиваются въ нашихъ пѣсняхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому то безграничному разгулу, къ стремленію, какъ бы унестись куда то вмѣстѣ съ звуками. Струи его пробиваются въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронію, насмѣшку, наглядность, мѣткость живописнаго соображенія, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникаетъ насквозь природу русскаго человѣка, задирая за все ея живое. Струи его пробиваются, наконецъ, въ самомъ словѣ церковныхъ пастырей,—словѣ простомъ, не краснорѣчивомъ, но замѣчательномъ по стремленію стать на высоту того святого безстрастія, на которое опредѣлено взойти христіанину, по стремленію направить человѣка не къ увлеченіямъ сердечнымъ, но къ высшей, умной трезвости духовной. Все это пророчило для нашей поэзіи какое то другимъ народамъ невѣдомое, своеобразное и самобытное развитіе."

Въ этомъ отрывкѣ размышленій Гоголя высказана совершенно четко выписанная мысль о самобытности Россіи. Онъ указываетъ въ чемъ онъ видитъ эту самобытность народной русской души, выраженной поэзіей. Но далѣе онъ говоритъ о моментѣ соприкосновенія старой Россіи съ культурой Запада. Онъ утверждаетъ благотворное вліяніе культуры, но

отмѣчаетъ и, неправильно понятую тогда, задачу, воспользоваться этой культурой.

„Огниво не сообщаетъ огня кремню—пишетъ Гоголь—но покамѣстъ имъ не ударишь, не издастъ кремень огня. Огонь излетѣлъ вдругъ изъ народа. Огонь этотъ былъ восторгъ,—восторгъ отъ пробужденія, восторгъ вначалѣ безотчетный: никто еще не услышалъ, что онъ пробудился затѣмъ, чтобы, съ помощью европейскаго свѣта, разсмотрѣть поглубже самого себя, а не копировать Европу; все только услышало, что онъ пробудился.“

Скорбь и печаль Гоголя, ищущаго „существо и особенности“ русскаго духа, выраженнаго поэзіей, скорбь и печаль безмѣрна оттого, что нѣтъ достаточныхъ силъ въ самомъ народѣ, чтобы осознать въ себѣ свой ликъ и держать себя достойно, съ осанкой, сообразно съ чертами своей „національной личности.“

„Скорбію ангела загорится наша поэзія — такими словами кончаетъ онъ свой отрывокъ на эту тему—и, ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызоветъ намъ нашу Россію, — нашу русскую Россію, не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ намъ изъ за моря очужеземѣвшіеся русскіе, но ту, которую извлечетъ она изъ насъ же, и покажетъ такимъ образомъ, что всѣ до единаго, какъ ни были они различныхъ мыслей, образовъ, воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: „Это наша Россія; намъ въ ней пріятно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своею родною крышею, а не на чужбинѣ.“

Въ разныхъ выраженіяхъ, но съ одинаковой настойчивостью Гоголь заявляетъ сильную мысль свою о томъ, что мы „отдалились отъ родного корня.“ Эта его фраза и эта его мысль, должны быть истолкованы распространено. Умный Гоголь, сосредоточено и упорно думавшій о Россіи, изъѣздившій ее и какъ бы учившій ея темный языкъ, видѣлъ, что нѣтъ настоящаго жизненнаго подвига, нѣтъ настоящаго дѣла жизни у Россіи и отмѣчалъ это, самъ опредѣленно не зная, что дѣлать и какъ дѣлать, даже болѣе того, указывая не на то, что нужно бы дѣлать по его мнѣнію, но какъ художникъ, инстинктивно онъ отгадывалъ существенное настроеніе въ мыслящей Россіи—отдаленіе отъ родного корня.

Въ Лермонтской поэзіи прекрасно прозвучалъ тотъ же мотивъ національной приверженности, глубочайшаго патріотизма въ лучшемъ значеніи этого понятія, живущаго въ народной толщѣ—въ материкѣ народномъ.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю самъ —
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Просёлочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень;

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ,
И на холмѣ среди желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.

. . . . . .

Лермонтовъ самъ отмѣчаетъ столкновеніе разсудка со странною любовью къ Россіи. Въ этомъ онъ выражаетъ чувства многихъ. Есть какая то прелесть въ этой грустной картинѣ, которую набрасываетъ онъ, есть сладостная истома въ сердцѣ отъ созерцанія тѣхъ безграничныхъ далей Руси, которую рисуетъ поэтъ, передавая нѣчто несказанное, но самосущественное, свое, славянское, русское, живущее въ немъ въ передачѣ чувства къ отчизнѣ.

И въ роскошной поэзіи, какъ и въ молчаливомъ, нѣмомъ, но мудромъ молчаніи простого народа, въ заикающейся рѣчи толстовскаго Акима или въ подлинномъ неумѣніи что либо свое, затаенное и глубокое, выразить Алеши Горшка, или въ Каратаевской душѣ живетъ стыдливость, боязнь назвать обиднымъ, потому что не тѣмъ, словомъ свою великую приверженность къ Россіи. Въ этомъ какое то своего рода духовное творчество. Это не для чего. Это просто такъ нужно. Это единое на потребу.

Но я люблю — за что, незнаю самъ.

И не лѣса любитъ поэтъ, и не поля, и не разливы, а ту стихію, которая роднитъ его со всѣмъ этимъ, то особенное лоно, въ которомъ совершается самостоятельное и углубленное исканіе правильной жизни — „како праведно жити,“ исканіе въ жизни Добра.

Въ томъ же настроеніи писалъ молодой Языковъ, обращаясь къ Россіи, то самое стихотвореніе, которое вызвало

на лицѣ Пушкина слезы, у Пушкина, который никогда не плакалъ, о чемъ онъ и самъ говорилъ, о чемъ писалъ и Гоголь.

Вотъ эта строфа:

Чу! Труба продребезжала.
Русь, тебѣ надменный зовъ.
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ.
Созови отъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей.

Этотъ оттѣнокъ мысли, гдѣ Языковъ напоминаетъ единое чувство, всколыхающееся въ годины опасности отъ врага въ Россіи, этотъ оттѣнокъ важно отмѣтить вотъ по какому поводу. Разсыпанная Русь, будто не связанная живымъ взаимнымъ интересомъ ея элементовъ между собою, она только кажется такой разсыпавшейся; есть подлинная связь; наступаетъ пробужденіе и воскресеніе всѣхъ силъ въ иныя минуты, какъ бы сказалъ Достоевскій—въ такія минуты.

Вотъ въ этомъ Языковскомъ „*какъ*“, въ томъ, что онъ написалъ „Вспомяни жъ, *какъ* ты встрѣчала“, столько силы и опять же эмоціональной убѣдительности, а не логической. Это нужно почувствовать, потому что, можетъ быть, и вообще то это начало связующее, это національная идея, національная стихія во всѣхъ живущая, Россію пронизывающая—прраціональнаго порядка.

Иванъ Кирѣевскій и Константинъ Аксаковъ сосредоточенно разбирались въ этомъ, и ихъ статьи, ихъ выводы и

догадки даютъ много интереснаго для размышленій о „національной личности“ Россіи.

Въ 1852 году И. В. Кирѣевскій написаль свою замѣчательную статью для Московскаго Сборника „О характерѣ просвѣщенія Россіи“, въ которой вскрылъ, какъ ему казалось, сущность запросовъ предъявляемыхъ Россіей къ жизни и недостаточность отвѣтовъ, которые давала Западная культура на эти запросы.

Въ самомъ началѣ статьи онъ говоритъ о томъ особомъ характерѣ просвѣщенія Россіи „которое принадлежало ей въ древнія времена, и котораго слѣды, до сихъ поръ еще, не только замѣчаются въ нравахъ, обычаяхъ и образѣ мыслей простого народа, но проникаютъ, такъ сказать, всю душу, весь складъ ума, весь, если можно такъ выразиться, внутренній составъ русскаго человѣка, не переработаннаго еще западнымъ воспитаніемъ“.

Онъ знаетъ, что такъ можно выразиться, что такъ нужно выразиться—„внутренній составъ русскаго человѣка“, ибо это есть подлинная реальность, о которой и размышляетъ И. В. Кирѣевскій въ своей статьѣ. Онъ пишетъ:

„Европейское просвѣщеніе, во второй половинѣ 19 вѣка, достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидной ясностью для умовъ, хотя нѣсколько наблюдательныхъ. Но результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ, былъ почти всеобщее неудовольство и обманутой надежды“.

„Не потому Западное просвѣщеніе оказалось неудовлетворительнымъ, чтобы науки на Западѣ утратили свою жизненность; напротивъ онѣ процвѣтали, повидимому еще болѣе, чѣмъ когда нибудь; не потому, чтобы та или другая форма

внѣшней жизни тяготѣла надъ отношеніями людей или препятствовала развитію ихъ господствующаго направленія, напротивъ борьба съ внѣшнимъ препятствіемъ могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію, и никогда, кажется, внѣшняя жизнь не устраивалась послушнѣе и согласнѣе съ ихъ умственными требованіями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которыхъ мысль не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, именно потому, что самое торжество ума Европейскаго обнаруживало односторонность его коренныхъ стремленій, потому что при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; потому что при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усовершенствованій жизни, самая жизнь была лишена своего существеннаго смысла: ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она не могла быть украшена высокою надеждою, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ.“

То, что И. В. Кирѣевскій отмѣтилъ, какъ основную черту Европейской культуры — блескъ удобства наружныхъ усовершенствованій жизни и на ряду съ этимъ тотъ фактъ, что самая жизнь Европы лишена своего существеннаго смысла, что, проще говоря, какъ то пусто, бездушно и холодно было ему въ лакированной цивилизаціи Европы, эту мысль онъ еще разъ подчеркиваетъ далѣе, гдѣ говоритъ о существованіи жизненнаго содержанія въ убогой, бѣдной, сѣрой и хмурой Россіи, въ которой есть „общее сильное убѣжденіе, высокая надежда, глубокое сочувствіе“.

И. В. Кирѣевскій противупоставляетъ внутреннюю сущность Западной Европы Россіи — „чуждые Россіи, три элемента первоначальной образованности Европейской: Римская церковь, древне-Римскій міръ и возникшая изъ завоеванія государственность опредѣлили весь кругъ дальнѣйшаго развитія Европы,—какъ три точки въ пространствѣ опредѣляютъ круговую линію, которая черезъ нихъ проходитъ".

Итакъ Европа по утвержденію И. В. Кирѣевскаго по своей сущности и въ процессѣ своего сложенія противуположна Россіи.

Особенности римской культуры въ отличіе отъ истинной античной культуры эллинской и мало-азіатской, до XV вѣка, до захвата турками Царьграда, не возобладавшей своимъ исключительнымъ вліяніемъ на европейскіе народы Запада,—эти особенности римской культуры, какъ и римская церковь, какъ и особливость первыхъ историческихъ судебъ, сложившихъ народы запада, наложили типическія черты на національный ликъ западно-европейскихъ народовъ.

Весь характеръ жизни Европы, все, чѣмъ жили народы запада отличало ихъ на всемъ протяженіи ихъ исторіи.

„Ученіе Св. Отцовъ Православной Церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола.

Подъ ихъ руководствомъ, сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта".

Такъ пишетъ далѣе И. В. Кирѣевскій. Но въ этомъ замѣчаніи не должно читать чисто формальнаго противупоставленія. Въ этомъ онъ видитъ иной духъ культуры, который, порой безсознательно, при посредствѣ духовной миссіи монастырей просочился въ сознаніе народнаго материка.

Новая коренная мысль И. В. Кирѣевскаго—о духовной сущности по его утвержденію „множества маленькихъ общинъ по всему лицу земли Русской разселенныхъ", „составляющихъ каждая, свое особое согласіе, или свой маленькій міръ" „эти меленькіе міры или согласія сливаются въ другія, большія согласія" и такъ далѣе.

Эти его моральныя философствованія развиваютъ теорію духовной самобытности русскаго народа. Онъ много и сильно пишетъ объ игнорированіи формы въ правовыхъ и житейскихъ отношеніяхъ въ Россіи. Онъ отмѣчаетъ иной подходъ къ идеѣ закона, къ идеѣ какого либо установленія. Методъ мысли, методъ отношенія у Россіи и Европы по Кирѣевскому совершенно иной.

„Римско-Западная юриспруденція отвлеченно выводитъ логическія заключенія изъ каждаго законнаго условія, говоря: форма — это самый законъ..... гдѣ бы каждая часть системы и все вмѣстѣ составляло не только разумное дѣло, но самый написанный разумъ; право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выростая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго..... Законъ въ Россіи не сочинялся..... но послѣ того, какъ онъ самъ собою образовался въ понятіяхъ народа..... взошелъ въ народные нравы и народный бытъ". Я дорожу этими замѣчаніями не какъ выясненіемъ подлинности именно такого происхожденія русскаго права или русской государственности (ибо статьи эти не носила и тогда характера научнаго розысканія), а тѣмъ, что въ ней дано проникновеніе въ народный духъ, въ методъ духовнаго творчества русскаго народа.

И. В. Кирѣевскій отмѣтилъ одну очень существенную черту: на Западѣ, казалось ему, происходило „раздвоеніе силъ разума, здѣсь—стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сцѣпленія понятій,—здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума“.

Но И. В. Кирѣевскій не видѣлъ двухъ путей для разрѣшенія общекультурныхъ задачъ: „послѣ совершившагося соприкосновенія Россіи и Европы—писалъ онъ—уже невозможно предполагать ни развитія умственной жизни въ Россіи безъ отношенія къ Европѣ, ни развитія умственной жизни въ Европѣ безъ отношенія къ Россіи.

Онъ говоритъ о духовномъ единствѣ всѣхъ народовъ, о необходимости свои народныя блага внести въ общую сокровищницу культуры. Но онъ отмѣчаетъ свое, русское, самобытное.

Еще опредѣленнѣе, но въ нѣсколько иномъ направленіи разрѣшена эта проблема о сущности „національной личности“ о томъ, какова національная идея въ Россіи К. С. Аксаковымъ.

Но невольно, параллельный рядъ мыслей возникаетъ изъ домысловъ, порожденныхъ настоящими событіями дня, образующій нѣкоторую цѣпь заключеній.

Западъ, англо-германская культура, поставившая въ основу своего бытія всяческую спеціализацію, дѣйствительно развила до своего предѣла принципъ замкнутости человѣка въ кругу своего дѣла. Есть спеціальныя проблемы, есть свои интересы, въ кругу данной работы, которую работаетъ

данная личность... Развилась своего рода поэзія спеціализаціи.

Кабинетный ученый, желѣзнодорожный кондукторъ, военный, приказчикъ магазина, учитель, извозчикъ, полицейскій — каждый дѣлаетъ отлично, съ сознаніемъ нужности и полезности того, что онъ дѣлаетъ, свое дѣло. И мало того, — что онъ дѣлаетъ отлично, зная его и дѣлая его только, онъ весь въ совершеніи своего долга или обязанностей.

Весь строй жизни и психика народа убѣждаетъ въ невозможности смотрѣть иначе на его дѣло. Дѣло каждаго,— дѣло его жизни.

Если законъ жизни или принципъ установилъ, что такъ должно быть, а иначе ни въ какомъ разѣ, то каждый такъ себѣ это и мыслитъ и не только ему, но всякому, кто съ нимъ соприкасается это иначе мыслить въ голову не приходитъ.

Всяческое правило не нарушимо, всяческій порядокъ, установленный законно, не можетъ быть заподозрѣнъ, не долженъ породить сомнѣній и тѣмъ болѣе противленія въ сознаніи тѣхъ, которые должны этому подчиниться, а не обсуждать или мѣнять.

Иное здѣсь, въ Россіи, любой (въ житейскомъ смыслѣ) охранитель закона или порядка именно въ силу его національнаго скептицизма смотритъ на всяческое правило и законное установленіе, какъ на относительную для себя истину. Онъ знаетъ, что это такъ, но и не такъ. У него нѣтъ убѣжденія въ святости и неизмѣнности установленнаго. Въ немъ живетъ охранитель порядка, но и скептикъ, философически относящійся къ вещамъ.

Съ какимъ великолѣпіемъ и увѣренностью въ нужности совершаемаго нѣмецкій или англійскій полицейскій испол-

няетъ свою обязанность, онъ увлеченъ своей ролью, онъ проникнутъ сознаніемъ прелести служенія обществу и государству.

Достоевскій писалъ о томъ, что въ русскомъ служащемъ человѣка, въ какомъ нибудь кассирѣ желѣзно-дорожной станціи, возникаетъ административный восторгъ, но этотъ восторгъ приниженнаго, раздавленнаго чѣловѣка, онъ надъ вами поглумится, пофанфаронитъ отъ опрокинутости своего существа духовнаго, но это не восторгъ человѣка удовлетвореннаго, увлеченнаго порядкомъ и единственностью того, что есть. Тотъ же кассиръ или трамвайный кондукторъ онъ не постоитъ за законность и порядокъ, если въ немъ заговоритъ простое человѣческое чувство состраданія, жалости, любви или иное большое чувство. И нужно ли приводить свои примѣры тому, не достаточно ли вспомнить разсказы Короленки, Льва Толстого и Глѣба Успенскаго на эту тему.

Я не говорю, хорошо ли это. Я не оцѣниваю, я только говорю,—что въ самой національной сущности тѣ же моменты сознанія, что и у людей англо-германской культуры протекаютъ здѣсь иначе, окрашиваются специфически по другому.

Такова личность народа.

К. С. Аксаковъ въ одной изъ статей своихъ, напечатанной въ 1857 году въ „Молвѣ“ писалъ:

„Народность есть личность народа. Точно также, какъ человѣкъ не можетъ быть безъ личности, такъ и народъ безъ народности. Если же можетъ встрѣтиться человѣкъ безъ личности, народъ безъ народности, то это явленіе жалкое, несчастное безполезное и себѣ и другимъ.

Личность не только не мѣшаетъ, но она одна и дастъ возможность понять вполнѣ и свободно другого человѣка, дру-

гія личности. Такъ точно и народность одна даетъ возможность народу понять другія народности. Гдѣ исчезаетъ она, тамъ исчезаетъ, матеріально или нравственно, самъ народъ. Народность, это есть живая, цѣльная сила, имѣющая въ себѣ нѣчто неуловимое, какъ жизнь. И духъ, и творчество художественное, и природа человѣческая, и даже природа мѣстная, все принимаетъ участіе въ этой силѣ. Народная пѣсня, какъ бы ни была она доступна всему остальному человѣчеству, все-таки отзовется чѣмъ то особымъ въ душѣ того человѣка, для котораго она своя, народная пѣсня".

Итакъ, признаніемъ важности опредѣленія народности заявляли себя многіе русскіе мыслители, задумавшіеся надъ сущностью русской идеи, надъ типичными чертами русской національной личности.

Но посмотримъ, къ какимъ выводамъ приходили тѣ, которые чрезвычайно горячо и категорически говорили о томъ, каковы черты этого народнаго лица и далѣе, каковы задачи народа, вытекающія изъ самой русской идеи, которая опредѣляетъ Россію.

Я обращусь сейчасъ къ мыслямъ Достоевскаго на эту тему.

Эта идея одна изъ тѣхъ коренныхъ идей его, которую онъ проводилъ рѣшительно во всѣхъ своихъ крупныхъ вещахъ, которую онъ высказываетъ и до каторги и тѣмъ болѣе послѣ возвращенія изъ Мертваго дома.

Въ записной его книжкѣ, испещренной парадоксами и всякими страшными мыслями, которыя не всегда посягало его перо выразить въ своей обнаженности въ обнародываемыхъ имъ писаніяхъ, мы находимъ такого рода двѣ записи:

„Жаль, что вы мало думаете, господа, а живете готовыми мыслями.—А у насъ не только готовыми мыслями, но и готовыми страданіями живутъ (безъ культуры)."

Достоевскій впрочемъ всѣми своими писаніями совершенно явно показалъ, что тѣ, кого онъ почиталъ за русскихъ людей, призванныхъ осуществлять національную идею, тѣ у него никогда не живутъ готовыми мыслями и готовыми страданіями.

И вотъ эти свои думы и еще болѣе свои страданія и то, что удается выстрадать, это и являлось для Достоевскаго подлинной культурой души Россіи.

„Намъ всѣ не вѣрятъ—писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ своей записной книжки—всѣ насъ ненавидятъ,—почему. Да потому, что Европа инстинктомъ слышитъ и чувствуетъ въ насъ нѣчто новое и на нее нисколько не похожее.

Въ этомъ случаѣ Европа совпадаетъ съ нашими западниками: тѣ тоже ненавидятъ Россію, слыша въ ней нѣчто новое и ни на что не похожее."

Я вычеркиваю эту вторую половину цитаты, ибо она имѣетъ полемическій характеръ. Для вопроса, который разсматриваю въ Достоевскомъ, нужна только первая часть.

Ясно, что Достоевскій видитъ свое особливое въ существованіи Россіи; мало этого, онъ убѣжденъ въ величественности таящихся въ Россіи благъ и въ духовной красотѣ и особливости чертъ народнаго лица Россіи.

Далѣе я цитирую изъ „Дневника писателя" за 1877 годъ.

Мысль, которую я сейчасъ выпишу, я беру изъ той статьи его, гдѣ Достоевскій въ циническихъ выраженіяхъ поноситъ интеллигенцію, не понимавшую Россію такъ, какъ

онъ ее понимаетъ, бранитъ политику Европы, и доходитъ до какого то изступленія въ нанесеніи ударовъ врагамъ своимъ

„Не понимаютъ это хорошіе люди — пишетъ Достоевскій, — что у насъ, въ нашей необозримой и своеобразной, въ высшей степени не похожей на Европу странѣ, даже тактика военная (столь общая вещь), можетъ быть совсѣмъ, не похожая на европейскую, что основы европейской тактики—деньги и ученыя организаціи шестисотъ-тысячныхъ войсковыхъ нашествій могутъ споткнуться о землю нашу и наткнуться у насъ на новую и невѣдомою имъ силу, основы которой лежатъ въ природѣ безконечной земли русской и въ природѣ всеедящаго духа русскаго. Но пусть *пока* еще не знаютъ этого у насъ столь многіе и хорошіе люди (не знаютъ и робѣютъ)... И ужъ, конечно, объ такую силу разбилась бы вся Европа вмѣстѣ, потому что не хватитъ у ней на такую войну ни денегъ, ни единства организаціи. Когда у насъ всѣ наши русскіе люди узнаютъ о томъ, что мы такъ сильны, тогда мы и добьемся того, что воевать уже не будемъ, тогда въ насъ увѣруютъ и впервые *откроютъ* насъ, какъ когда то Америку Европа. Но для того надобно, чтобы мы прежде ихняго открыли сами себя и чтобы интеллигенція наша поняла, что ей нельзя уже болѣе разъединяться и разрывать съ народомъ нашимъ...“

„Подвигъ самопожертвованія кровью своею за все то, что мы почитаетъ святымъ, — пишетъ онъ далѣе въ другой статьѣ—конечно, нравственнѣе всего буржуазнаго катехизиса. Подъемъ духа націи ради великодушной идеи — есть толчекъ впередъ, а не озвѣрѣніе.“

Достоевскій пишетъ о Франко-Прусской войнѣ и такъ выражаетъ русскую національную идею противупоставляя Россію Европѣ:

„Бросилась самая ученая и просвѣщенная изъ всѣхъ націй на другую, столь же ученую и просвѣщенную и, воспользовавшись случаемъ, загрызла ее какъ дикій звѣрь, выпила ее кровь, выжила изъ нея сокп въ видѣ милліардовъ дани и отрубила у ней цѣлый бокъ въ видѣ двухъ самыхъ лучшихъ провинцій. Да вправду виновата ли Европа, если послѣ этого не можетъ понять назначенія Россіи. Имъ ли гордымъ, ученымъ и сильнымъ, понять и допустить хоть въ фантазіи, что Россія предназначена и создана, можетъ быть, для ихъ же спасенія, и что она только, можетъ быть произнесетъ, наконецъ, это слово спасенія. О, да, да, конечно— мы не только ничего не захватили у нихъ, и не только ничего не отнимемъ, но именно тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, что черезмѣрно усилимся (союзомъ любви и братства, а не захватомъ и насиліемъ) —тѣмъ самымъ и получимъ, наконецъ, возможность не обнажать меча, а, напротивъ, въ спокойствіи силы своей, явить собою примѣръ уже искренняго мира, международнаго всеединенія и безкорыстія. Мы первые объявимъ міру, что не черезъ подавленія личностей иноплеменныхъ намъ національностей хотимъ мы достигнуть собственнаго преуспѣянія, а, напротивъ, видимъ его лишь въ свободнѣйшемъ, самостоятельнѣйшемъ развитіи всѣхъ другихъ націй и въ братскомъ единеніи съ ними, восполняясь одна другою, прививая къ себѣ ихъ органическія особенности и удѣляя имъ отъ себя вѣтви для прививки, сообщаясь съ ними душой и духомъ, учась у нихъ и уча ихъ, и такъ до тѣхъ поръ, когда человѣчество, восполнясь міро-

вымъ общеніемъ народовъ до всеобщаго единства, какъ великое и великолѣпное древо осѣнитъ собою счастливую землю".

Въ знаменитой рѣчи своей о Пушкинѣ, произнесенной 8 Іюля 1880 года, Достоевскій сказалъ:

„Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите."

У Достоевскаго въ поясненіе этой мысли, какъ и въ поясненіе предшествующихъ положеній изъ Дневника и Записной книжки, есть своя система, которую онъ развилъ, какъ я уже сказалъ, необыкновенно сильно въ художественныхъ твореніяхъ, въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, но кратко ее формулировалъ также и въ своемъ „Объяснительномъ словѣ по поводу печатаемой Рѣчи о Пушкинѣ."

Здѣсь мы найдемъ прямой отвѣтъ на вопросъ, какъ рисуетъ себѣ Достоевскій „національную личность, и что разумѣетъ подъ понятіемъ національная идея".

„Народъ нашъ—пишетъ Достоевскій—именно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность къ всемірной отзывчивости и къ всепримиренію, и уже проявилъ ее во все двухсотлѣтіе съ Петровской реформы не разъ. Обозначая эту способность народа нашего, я не могъ не выставить въ то же время въ фактѣ этомъ и великаго утѣшенія для насъ въ нашемъ будущемъ, великой и, можетъ быть, величайшей надежды нашей, свѣтящей намъ впереди. Главное, я не обозначилъ то, что стремленіе наше въ Европу, даже со всѣми увлеченіями и крайностями его, было не только законно и разумно, *въ основаніи своемъ*, но и народно, совпадало вполнѣ со

стремленіями самого духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно имѣетъ и высшую цѣль".

Достоевскій въ своей рѣчи и объяснительномъ словѣ по поводу рѣчи напиралъ какъ разъ на то, что онъ не ровняетъ русскихъ „съ народами западными въ сферѣ ихъ экономической славы, или научной. Я просто только говорю— писалъ онъ —что русская душа, что геній народа русскаго, можетъ быть, наиболѣе способны, изъ всѣхъ народовъ, вмѣстить въ себя идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, сжимающаго противорѣчія. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и можетъ ли кто отрицать и оспорить, что ея нѣтъ въ народѣ русскомъ".

„Основныя нравственныя сокровища духа, въ основной сущности своей, по крайней мѣрѣ не зависятъ отъ экономической силы. Наша нищая неурядная земля, кромѣ высшаго слоя своего, вся сплошь, какъ одинъ человѣкъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея населенія представляютъ собой такое духовное единеніе, какого, конечно, въ Европѣ нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть, а, стало быть, уже по сему одному нельзя сказать, что наша земля неурядна, даже въ строгомъ смыслѣ нельзя сказать, что и нищая".

Вотъ Достоевскій и договорился, что полагаетъ онъ народнымъ нищенствомъ и народнымъ богатствомъ, вотъ онъ и выразилъ вполнѣ опредѣленно зачѣмъ по его крайнему убѣжденію существуетъ русскій народъ, чтобы осуществить свою національную миссію, осуществить русскую идею.

Я напомнилъ ходъ мыслей Достоевскаго за тѣмъ, что его идеологія Россіи освѣщена глубокими религіозно-народ-

ными и нравственно всеобщими воззрѣніями, я напомнилъ ходъ его думъ потому, что этотъ цѣльный мыслитель и исповѣдникъ народныхъ убѣжденій какъ разъ какъ бы символически выражаетъ самый русскій народъ ищущій, сомнѣвающійся, долготерпѣливый, молчащій, вынашивающій въ своей душѣ глубокія, потребныя человѣчеству, идеи, который, лишь выстрадавъ свои идеалы, убѣдившись въ нихъ, съ великимъ смиренномудріемъ отдаетъ ихъ всѣмъ людямъ, самъ отдаваясь на судъ.

Но неоспоримо, что три величайшихъ русскихъ художника слова Пушкинъ, Тургеневъ и Островскій, которые, какъ великій поводъ, дали возможность раскрыться такому созерцателю національной русской стихіи, какъ Аполлонъ Григорьевъ, эти три великихъ художника—мыслителя глубоко заглянули въ душу народную, каждый какъ бы образуя грань алмаза русской изящной словесности.

„Подъ именемъ народа—писалъ Аполлонъ Григорьевъ въ своей статьѣ объ Островскомъ—въ обширномъ смыслѣ разумѣется цѣлая народная личность, собирательное лицо, слагающееся изъ чертъ всѣхъ классовъ народа, высшихъ и низшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ; слагающееся не механически, а органически, если самъ народъ сложился не механически, а органически: носящее общую, типическую, характерную физіономію физическую и нравственную, отличающую его отъ другихъ подобныхъ ему собирательныхъ лицъ“.

Вотъ эту физіономію народа показалъ намъ, нарисовалъ и приблизилъ по мысли Аполлона Григорьева Пушкинъ. Онъ явилъ намъ лицо Россіи „національную личность, сущность, стихію“.

„Вчитываясь внимательно въ Пушкинскаго Бориса—пишетъ Аполлонъ Григорьевъ въ другой статьѣ своей „Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ“—правильно вынести можно, кажется мнѣ, изъ такого чтенія и изученія — не сомнѣніе въ народномъ значеніи поэта, а скорѣе изумленіе передъ его удивительнымъ народнымъ чутьемъ и передъ его геніальной силой“...

„Онъ (т. е. Пушкинъ), въ высокой степени владѣвшій народной рѣчью (отрывокъ Медвѣдицы), понимавшій глубоко и комическія пружины быта русскаго человѣка (Лѣтописъ села Горохина), и трагическія (кузнецъ въ Дубровскомъ, „Емеля“ въ капитанской дочкѣ, пиръ Пугачева и т. д.), онъ ни разу не позволилъ себѣ написать какую либо повѣсть съ „народными“ разговорами, ибо зналъ, что не пришло еще время, нѣтъ еще красокъ подъ рукою и неоткуда ихъ взять, пока. не послѣдуютъ его совѣту и не будутъ учиться русскому языку у московскихъ просвиренъ (примѣчаніе къ Онѣгину), что рѣчь, которую выдавали за народную—не народная, а подслушанная у дворни, что чувства этою рѣчью выражаемыя—фальшивы и т. д.“.

Здѣсь Аполлонъ Григорьевъ преклоняется предъ силой искусства прозрѣть подлинную сущность народа черезъ искусство, искусство, открывающее намъ всестороннее пониманіе души народной.

Объ Островскомъ онъ пишетъ поэтому поводу свои знаменательныя утвержденія:

„Новое слово Островскаго есть самое старое слово — народность: новое отношеніе его есть только прямое, чистое непосредственное отношеніе къ жизни“.

„Пьесы Островскаго—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—измѣнили во многихъ взглядъ на русскій бытъ, познакомили насъ съ типами, которыхъ существованіе мы не подозрѣвали и которые, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, существуютъ — съ отношеніями въ высшей степени новыми, драматическими, съ многоразличными сторонами русской души и глубокими, и трогательными, и нѣжными, и разгульными сторонами, до которыхъ никто еще не касался".

Это свойство сильнаго таланта художественнымъ приближеніемъ къ народу раскрыть намъ же самимъ невѣдомый край у насъ въ Россіи,—и этотъ невѣдомый край—мы сами,—народъ.

Это, полагаетъ Аполлонъ Григорьевъ, „величайшей силой искусства, великой преображающей силой литературы... мы стали во вліяніи художественныхъ писателей другими".

Въ статьѣ своей „О законахъ и терминахъ органической критики" Аполлонъ Григорьевъ отмѣчаетъ въ И. С. Тургеневѣ великое свойство. Онъ говоритъ о его изумительной способности передать самую сущность народности и мѣстности, которой онъ органически принадлежитъ. „Народность и мѣстность играли и играютъ великую роль въ искуствѣ—пишетъ онъ—какъ и во всякой отрасли человѣческой дѣятельности". Но И. С. Тургеневъ силой „поэзіи", преображающей жизнь, заставляетъ насъ непосредственно ощутить, каково вліяніе на каждомъ характерѣ и на всемъ укладѣ міросозерцанія элементовъ народности и мѣста. Народность и мѣсто, какъ колыбель, лелеютъ думы и чувства, изъ которыхъ родится свое міроотношеніе типическихъ людей страны, а таковы образы тургеневскихъ героевъ и героинь.

Въ углубленіи въ творчество русскихъ писателей мы находимъ себя.

По въ заключеніе своихъ розысканій въ разныхъ трудахъ русскихъ писателей, гдѣ даны опредѣленія чертъ и сущности „національной личности“, я обращюсь къ одной небольшой рѣчи Вл. Соловьева, названной имъ „Русская идея“.

„Органическая функція, которая возложена на ту или другую націю въ этой вселенной жизни, — вотъ ея истинная національная идея предвѣчно установленная въ планѣ Бога“.

Далѣе онъ пишетъ:

„Истинное величіе Россіи — мертвая буква для нашихъ лже-патріотовъ, желающихъ навязать русскому народу историческую миссію на свой образецъ, въ предѣлахъ своего пониманія. Нашимъ національнымъ дѣломъ, если ихъ послушать, является нѣчто, чего проще на свѣтѣ не бываетъ, и зависитъ оно отъ одной единственной силы — силы оружія“.

„Добить издыхающую оттоманскую имперію, а затѣмъ разрушить монархію Габсбурговъ, помѣстивъ на мѣстѣ этихъ двухъ державъ кучу маленькихъ независимыхъ національныхъ королевствъ, которыя только и ждутъ этого торжественнаго часа своего окончательнаго освобожденія, чтобы броситься другъ на друга. Дѣйствительно, стоило Россіи страдать и бороться тысячу лѣтъ, становиться христіанской со Святымъ Владиміромъ и европейской съ Петромъ Великимъ, постоянно занимая при этомъ своеобразное мѣсто между Востокомъ и Западомъ, и все это для того, чтобы въ послѣднемъ счетѣ стать орудіемъ „великой идеи“ сербской и „великой идеи“ болгарской“.

Указавъ на отрицательное свое отношеніе къ ложному пониманію національной идеи, онъ приходитъ къ истинному пониманію ея.

„Эта истинная русская идея—пишетъ онъ—она здѣсь, близко—засвидѣтельствованная религіознымъ характеромъ народа, прообразованная и указанная важнѣйшими событіями и величайшими личностями нашей исторіи".

„Смыслъ существованія націй не лежитъ въ нихъ самыхъ, но въ человѣчествѣ".

„Русскій народъ—народъ христіанскій и, слѣдовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себѣ вопроса, что дѣлаетъ Россія *черезъ себя и для себя*, но что она *должна сдѣлать* во имя христіанскаго начала, признаваемаго ею и во благо всего христіанскаго міра, частью котораго она предполагается".

„Чтобы удержать и проявить христіанскій характеръ Россіи, намъ нужно окончательно отречься отъ ложнаго божества нашего вѣка и принести въ жерту истинному Богу нашъ національный эгоизмъ".

Вл. Соловьевъ указываетъ, какъ на одно изъ проявленій непониманія своей національной задачи на систему руссификаціи.

Онъ приводитъ такой примѣръ.

„Я говорю—пишетъ онъ—о гнусной системѣ руссификаціи, которая имѣетъ дѣло уже не съ политической автономіей, но нападаетъ на національное существованіе, на самую душу польскаго народа".

„Эта тираническая руссификація, тѣсно связанная съ еще болѣе тираническимъ разрушеніемъ греко-уніатской церкви, представляетъ воистину національный грѣхъ, тяжелымъ

бременемъ лежащій на совѣсти Россіи и парализующій ея моральныя силы".

„Но народъ русскій—народъ въ глубинѣ души своей христіанскій, и непомѣрное развитіе, которое получилъ въ немъ антихристіанскій принципъ абсолютнаго государства, есть лишь обратная сторона принципа истиннаго, начала христіанскаго государства, царской власти Христа".

„Русская идея, историческій долгъ Россіи требуетъ отъ насъ признанія нашей неразрывной связи съ вселенскимъ семействомъ Христа и обращеніе всѣхъ нашихъ національныхъ дарованій, всей мощи нашей имперіи на окончательное осуществленіе соціальной троицы, гдѣ каждое изъ трехъ главныхъ органическихъ единствъ, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не въ отъединеніи отъ двухъ другихъ, поглащая или истребляя ихъ, но въ утвержденіи безусловной внутренней связи съ ними. Возстановить на землѣ этотъ вѣрный образъ божественной Троицы —вотъ въ чемъ русская идея. И въ томъ, что эта идея не имѣетъ въ себѣ ничего исключительнаго и партикуляристическаго, что она представляетъ лишь новый аспектъ самой христіанской идеи, что для осуществованія этого національнаго призванія намъ не нужно дѣйствовать противъ другихъ націй, но съ ними и для нихъ—въ этомъ лежитъ великое доказательство, что эта идея есть идея истинная. Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру невѣдома зависть".

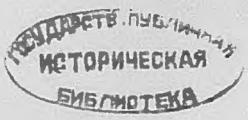
Таковъ строй утвержденій Вл. Соловьевъ о томъ, какъ онъ понимаетъ идею Россіи.

Въ осуществленіи абсолютнаго, всечеловѣческаго и сверхнаціональнаго начала видитъ Владиміръ Соловьевъ сущ-

ность русской идеи, смыслъ историческаго существованія Россіи.

Такъ шла русская мысль, раскрывая все яснѣй и яснѣй, содержаніе понятія—національная личность.

Есть глубокая связь между каждымъ изъ мыслителей, созетрцавшихъ это русское національное начало, такая же связь, какъ и въ самой системѣ міросозерцанія русскаго народа, который осуществляетъ свою миссію въ соучастіи своими нравственными благами въ творчествѣ всего человѣчества.



Книгоиздательство

Москва 1914 г.

Складъ изданія: Москва, Маросейка, 11, кв. 16. Телеф. 4-27-51.